

И.Б.Левин

ПАРТИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: РОССИЙСКИЕ ВАРИАНТЫ

политика

Практически ни одно описание политической ситуации в России не обходится без сетований на несформированность и непредставительность отечественной партийно-политической структуры. Типичная современная российская партия напоминает головастика: раздутая голова в зале Думы (внутри Садового кольца) и крошечный хвостик, быстро сходящий на нет за пределами столицы.

КПРФ противостоит прочим партиям как другая, альтернативная модель партийной организации, что вряд ли можно оспорить, особенно после декабрьских выборов 1999 г. Как, впрочем, и то, что это противопоставление, зачастую помимо воли пишущих на данную тему авторов, содержит некий имитационно-временной смысл. Подспудно во многих статьях присутствует мысль о том, что партии, появившиеся в новой России, пока уступают КПРФ в организационной прочности и кадровой дисциплине, но когда преодолеют рыхлость и разногласия в собственных рядах, смогут куда успешнее конкурировать с активистами зюгановской партии¹.

Качественное отличие, таким образом, редуцируется до количественного, но в этом в общем-то некого винить — единственным примером политической партии, который имели перед глазами люди, родившиеся не позже 80-х годов, была КПСС с ее культом «оргработы». По инерции и сейчас под «партстроительством» понимается преимущественно (если не исключительно) выстраивание организационных звеньев и скреп, позволяющих расширять и дисциплинировать «членскую массу».

Обстоятельства этого, заметим попутно, не меняет тот факт, что КПСС не отвечала первому и наиболее существенному критерию политической партии — быть выразителем взглядов какой-то части общества («партия» — от лат. *pars*, часть целого), проводником интересов определенных социальных групп, слоев. С момента овладения всей полнотой власти номенклатура ВКП(б)—КПСС выступала в качестве совокупности правящих элит. Она, говоря словами Г.Моски, была «политическим классом», стоящим надо всем обществом, т.е. тем организованным меньшинством, которое правит большинством именно в силу того, что организовано².

В сущности, горбачевская стратегия «развала КПСС» была нацелена как раз на то, чтобы вернуть партии, т.е. ее потенциально социал-демократическому и, как ошибочно полагали, наиболее массовому крылу, облик и природу политической партии. Причины, по

¹ Подтверждением этого наблюдения может служить, в частности, пример «Яблока», превратившегося из движения в партию с соответствующим ужесточением организационно-дисциплинарных норм.

² Mosca G. *Elementi di scienza politica*. Bari-Latierza, 1953.

которым этот стратегический замысел не удался, – предмет отдельного исследования, но сама по себе внутренняя «многопартийность» КПСС иллюстрируется уже тем, что выходцев из ее рядов можно найти сегодня во всех секторах политического спектра: от ультралевых до черносотенцев³.

³ *Первыми эту сущностную многовекторность КПСС описали Л.Гордон и А.Назимова. См.: Гордон Л., Назимова А. Возможны варианты // Коммунист. 1989. № 13.*

Идеологически и генетически КПрФ в этом спектре размещается ближе ко вторым, чем к первым. Самоназвание в данном случае резко расходится с содержанием. Как бы оценочно – положительно или отрицательно – мы ни относились к определению «коммунистический», оно предполагает, как минимум, три вещи: социальный (классовый) подход к явлениям общественной жизни, светские (атеистические) воззрения и интернационализм. Все эти три квалифицирующие признака отвергнуты в публичных выступлениях и политической практике членов КПрФ. Ее фракция в Думе голосует за сверхжесткие, соответствующие требованиям МВФ бюджеты и блокирует реформы, призванные наполнить систему социальных льгот и привилегий реальным содержанием, придать ей упорядоченный и справедливый характер. Лидер КПрФ оплакивает «утерю идеалов, способных придать нашему соборному, национальному общественному бытию священный, вечный и непреходящий смысл»⁴. Наконец, что касается интернационализма, то об этом применительно к партии Г.Зюганова даже как-то неловко говорить.

⁴ *Зюганов Г.А. За горизонтом. Орел, 1995. С. 55.*

Кстати, выросла эта партия, строго говоря, не из КПСС, а из оппозиционной к ее перестроенному руководству консервативно-фундаменталистской полозковской партии. Поэтому неудивительно, что за фасадом, на котором написано «КПрФ», скрывается нечто противоположное по смыслу, о чем уже писали некоторые авторитетные аналитики⁵. Однако стараниями считающей себя либеральной газетно-телевизионной журналистики, продолжающей называть зюгановцев «коммунистами», «левыми» и «красными», путаница воспроизводится вновь и вновь и, как всякая путаница, не может не наносить урон стараниям придать нашей жизни большую осмысленность и разумный порядок.

⁵ *Зюганов – «красный» лишь снаружи, отмечал А.Цинко, в действительности его партия отстаивает добуржуазные ценности. См.: Независимая газета. 10.11.1995.*

В одном отношении, впрочем, не будет ошибкой рассматривать КПрФ как наследницу и преемницу КПСС – в области организационных принципов и практики. «Первички», райкомы, горкомы, пленумы – все это не пустые слова для членов зюгановской партии. И непонятные нынешнему поколению обороты речи, вроде «дойти до каждого» и «обеспечить выполнение каждым», без которых не обходилось ни одно постановление ЦК КПСС, по-прежнему наполнены смыслом для функционеров КПрФ.

Бессмысленно отрицать, что именно капиллярно разветвленная организация с опорой на бескорыстный активизм множества рядовых партийцев, позволяющая не пропустить действительно ни одной квартиры в многоэтажном корпусе или ни одного дома в рабочем поселке, является одним из тех главных ресурсов, которые дают КПрФ

возможность успешно конкурировать со своими политическими соперниками, почти не обращаясь к услугам СМИ. Небеспопченна поэтому и своего рода зависть к зюгановцам со стороны политиков, у которых такого ресурса нет.

Но встает вопрос: значит ли это, что путь в будущее для наших партий лежит через усиление «оргработы» и что институционализация политического плюрализма в России будет происходить в соответствии с привычной схемой «партстроительства»? Сомнения на этот счет стали возникать еще до появления на политическом горизонте таких невиданных образований, как «Медведь». В том, что стратегические приоритеты могут быть расставлены совсем иначе, убеждал уже мировой опыт.

Со второй половины XX в. политологи начали фиксировать симптоматичные перемены в природе и облике традиционных массовых партий. Из идеологических и программных (т.е. ориентированных на определенные системы ценностей и выражавших определенные социальные интересы) они все более превращались во «всеядные» (catch-all-party) и вели охоту за голосами избирателей одновременно из многих социальных слоев и групп. Их программы, все более отождествляясь с предвыборными, по необходимости размывались, теряли отчетливость, а мобилизация сторонников в значительной степени осуществлялась средствами и приемами из арсенала коммерческой рекламы. *Театрализация* и *персонализация* политики (фактически сведенной к непрерывной избирательной кампании), которые ранее были характерны в основном для двух главных партий США, получили широкое распространение и в Европе – именно поэтому данный процесс нередко определяют как «американизацию» общественно-политической жизни.

На протяжении примерно двух последних десятилетий мир стал свидетелем дальнейшей трансформации партий. Политическую сцену наводнили новые, подчас экзотические акторы: партии-движения, партии-непартии и даже партии-антипартии. Все большее распространение получает представление о том, что политическая партия – это предприятие, производящее специфический товар – голоса избирателей. Традиционная ставка на мобилизацию сторонников с помощью организационной структуры и агитации силами активистов уступает место все более изощренным информационно-рекламным технологиям, рассчитанным не столько на массированное воздействие, «обработку» массового сознания избирателей, сколько на его «взлом». Можно сказать, что техническому (в широком смысле) усложнению средств политического влияния соответствует в конечном счете и смысловая примитивизация самой политики.

Сказанное обстоятельно проанализировано в зарубежной и отечественной литературе⁶. Речь поэтому идет не о том, чтобы еще раз описывать весь этот процесс, а о том, чтобы попытаться выявить глубину его объективной обусловленности (и, следовательно, наибо-

⁶ Из недавних публикаций на эту тему см., напр.: Пшизова С.Н. *Какую партийную систему воспримет наше общество* // *Полис*. 1998. № 4.

лее вероятный прогноз на будущее), уделив особое внимание специфике российских условий.

Прежде всего стоит, пусть даже с риском повторить изучавшееся другими, выявить основные причины, определившие перемены в организационном устройстве и поведении современных партий. Среди главнейших, на наш взгляд, следует выделить три фактора.

1. Усложнение социальной структуры западного общества, выразившееся, в числе прочего, в размывании социальных разграничений (не в последнюю очередь благодаря стандартизации потребления), появлении множества «смешанных социальных фигур» и, следовательно, сглаживании тех групповых (классовых) различий, которые и составляли первоначальную базу для развития и утверждения партий.

2. Все более очевидное сокращение объема прерогатив национального государства в ходе глобализации. Государство-нация оказывается «слишком маленьким» для решения проблем наднациональных сообществ (пример – ЕС) и «неповоротливо большим» по отношению ко все более дробным и специфическим интересам образований субрегионального уровня. Стимулы к активному участию в политической жизни становятся менее действенными (что выражается, например, в растущем электоральном абсентеизме). Все это ощущают на себе традиционные партии, которые не случайно занимают первую строчку в списке институтов, подвергающихся «эрозии доверия»⁷.

3. Быстрое развитие средств массовой информации и коммуникации, обусловленное научно-техническим прогрессом в соответствующих отраслях производства. Новое полиграфическое оборудование, телевидение, телефакс, Интернет и т.д. в считанные годы сделали устаревшей некогда привычную фигуру партийного агитатора и пропагандиста.

Под воздействием таких макрофакторов отказ от выстраивания массовой партии с разветвленной «корневой системой» выглядит скорее закономерностью, нежели отклонением от общей тенденции, в которую, похоже, вполне вписываются и нынешние российские партии. Для них сплошь и рядом «доступ к эфиру» значит больше, чем политические формулировки программы и устава, «раскрутка лидера» важнее, чем решения съездов, а «политтехнологи» ценятся выше, чем дисциплинированные «кадры», воздействующие на массы примером собственной самоотверженности. У партий-«головастиков», если только они заручились поддержкой местного (а еще лучше кремлевского) начальства, имеют богатых спонсоров и толковых менеджеров, не должно быть оснований испытывать комплекс неполноценности по отношению к КППРФ с ее образцовой организацией. Такой вывод можно сделать из сопоставления российской ситуации с западным опытом.

Одним из «классических» примеров, на которые ссылаются для подкрепления этого вывода, является партия «Вперед, Италия!» (ВИ). Случай действительно настолько поучительный, что на нем стоит остановиться несколько подробнее.

⁷ Доган М. Эрозия доверия в развитых демократиях // *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. № 5–6.

«Телекратия» и пространство политики

* Деликатный перевод ТАСС – «Вперед, Италия!» – лишь отчасти передает смысл девиза «Forza, Italia!» можно перевести и как «Давай, Италия!», «Жми, Италия!», одним словом «Шайбу!».

⁹ Corrias P., Gramellini M., Maltese C. 1994. *Colpo grosso. Milano, 1994.*

Миланский телемагнат и обладатель самого большого в Италии личного состояния С.Берлускони «сделал себе» политическую партию, с помощью которой выиграл выборы и возглавил правительство. По официальной версии, на все это ему понадобилось четыре месяца. В действительности процесс занял около года. Партию изготавливали подобно тому, как на крупном предприятии готовят к выпуску в широкую продажу новый продукт. В головном холдинге «Фининвест» велось проектирование, подбирались технологии, продумывалось оформление. В качестве организационной опоры была использована сеть из 14 тысяч клубов, объединяющих болельщиков футбольной команды «Милан», принадлежащей Берлускони, а для названия выбран типичный клич болельщиков⁸. «Изделие» украсили сине-белым логотипом, ассоциирующимся с эмблемой национальной сборной, и снабдили гимном, напоминающим музыкальную заставку к футбольному репортажу. За несколько дней до «внезапного» выхода на политическую арену на места были доставлены сумки, галстуки, шапочки с партийной кокардой⁹.

Главная роль, однако, отводилась информационным технологиям. По каналам трех телекомпаний «Фининвест» дифференцированно и целенаправленно велась обработка населения. Пропагандистские ролики поставляла контролируемая холдингом крупнейшая в стране рекламная фирма «Публиталия». Эффективность кампании отслеживалась и корректировалась входящим в эту фирму социологическим институтом.

Центральной фигурой всей операции – руководителем, координатором, исполнителем – был сам Берлускони. Профессиональный шоумен, он, используя целый набор проверенных телетрюков (от натянутого на объектив нейлонового чулка до бликующего значка на лацкане пиджака), изо дня в день транслировал обществу собственную персону как концентрированное выражение предпринимательского успеха, триумфа индивидуалистической стратегии преуспеяния. И как ни сопротивлялись его политические противники, как ни пытались (например, устами патриарха итальянской философии политики Н.Боббио) противопоставить оглуляющему лозунгу «Давай, Италия!» призыв «Думай, Италия!», на выборах весной 1994 г. возглавляемый Берлускони блок завоевал большинство голосов и получил полноту исполнительной власти.

Это событие вызвало фурор. В мировой прессе заговорили о «берлусконизме». В очередной раз развернулась дискуссия о «телекратии» – власти телевидения над обществом. По существу, впервые в условиях демократии была успешно осуществлена попытка соединить богатство и власть напрямую, минуя звено политического опосредования, роль которого традиционно играли массовые партии (в Италии более полувека – Христианско-демократическая партия и ее союзники).

В самом деле, даже будучи зарегистрированной и осуществляя некоторые типичные для массовой партии акции, вроде организации митингов или уличных шествий, «Вперед, Италия!» менее всего по-

хожа на партию в обычном смысле слова. Профессиональные наблюдатели затрудняются ответить на вопрос, организовывала ли ВИ съезды или, допустим, внутривнутрипартийные дискуссии. Ее «парторганизации» – это своеобразные местные отделения «Фининвест», ими управляют клерки в фирменных пиджаках и галстуках, получающие по селектору указания из центрального офиса и по команде же отправляющие «наверх» факсы с выражением «массовой поддержки»¹⁰. Есть у ВИ и активисты, соревнующиеся в вербовке новых членов партии. Победителей в соревновании ждут премии: бесплатные талоны на бензозаправку, компьютер с аудиоколонками, трехдневная поездка в одну из европейских столиц и – высшая награда – ужин «с самим Сильвио» в его загородном имении¹¹.

¹⁰ *Ruggeri G. Berlusconi. Gli affari del Presidente. Milano, 1994.*

¹¹ *Stampa. 28.12.1999.*

Таким образом, с точки зрения организационной модели ВИ выглядит полной противоположностью массовой партии традиционного типа. В этом смысле она явный антипод своего главного соперника – партии Левых демократов (ЛД), которая даже после всех отречений от своей предшественницы, Итальянской компартии (ИКП), все же сохраняет пока немало характерных черт ее капиллярно разветвленного организационного уклада с опорой на обширный слой низовых активистов. И поскольку электоральные результаты двух партий, ЛД и ВИ, примерно одинаковы, можно было бы заключить, что модель «партии-предприятия», как минимум, не менее эффективна, чем традиционная. Выяснилось, однако, что очистить политическое пространство от привычного института массовой партии не так-то просто.

Получив на выборах 1994 г. весьма прочное, казалось бы, большинство в сто парламентских мандатов, Берлускони продержался у власти всего семь месяцев. Формально причиной его отставки стала «измена» в собственном лагере – одна из трех партий правительственной коалиции, «Лига Севера», внезапно перешла на сторону левоцентристского блока, возглавляемого Левыми демократами. При всем могуществе денег и телекамер ВИ оказалась надолго отброшенной в оппозицию. Политика как бы совершила вендетту – то, что было отвоено у нее с помощью информационных технологий, она вернула себе на шахматной доске партийных маневров (если угодно, интриг).

Более глубокие причины поражения Берлускони были связаны с обострением конфликта внутри самой правящей элиты. Воплощенные в лидере ВИ интересы спекулятивно-финансового капитала, вложенного в производство нематериальных благ (информация, шоу-бизнес, реклама, мода и т.д.), столкнулись с интересами финансово-промышленного капитала, типичным выражением которого служит концерн ФИАТ и его хозяева – семейство Аньелли (не случайно сигнал к атаке на правительство правого центра прозвучал со страниц принадлежащей им газеты «Стампа»¹²). Причем расхождения затронули не просто те или иные приоритеты государственной экономической политики (про- или антиинфляционный курс, ускорение или замедление подготовки к вступлению в «евро», различные варианты реформы пенсион-

¹² *Mauro E. Fermiamoci finchu siamo in tempo // Stampa. 13.12.1994.*

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

ной системы и т.д.), а самую суть «философии» взаимоотношений бизнеса и государства, богатства и власти. Если финансово-промышленный капитал, заинтересованный в силу своей специфики в государственной поддержке и сохранении социального мира, предпочитает воздействовать на ситуацию в стране через институт партий и слой профессиональных политиков, то Берлускони избрал путь непосредственного вторжения бизнеса в политику, соединения «напрямую» частнокапиталистических и государственных интересов.

Понятно, что во втором случае ненужной становится не только партия как автономный субъект политики, но и политика как таковая, т.е. как непрерывное посредование и приведение к синтезу разнообразных – частичных и неравновеликих – интересов. Роль и место политики, имеющей дело с таким, «горизонтальным», измерением, сообщающим политическому процессу исходно демократическую валентность, логично отводится тогда прямому администрированию, а в конечном счете – командованию, «указному праву».

Подменяя равноправный диалог с обществом «информационными технологиями», предполагающими его пассивность, безответность (какой, спрашивается, может быть диалог у человека с телевизором, кроме разве что перескакивания с канала на канал?), «партия-предприятие» стремится к своего рода неоабсолютизму. Во всяком случае вряд ли было случайной оговоркой заявление Берлускони (после вызова в прокуратуру по одному из обвинений в коррупции), что политик, выигравший выборы, становится выше закона и правосудия, поскольку результаты голосования, независимо от средств, с помощью которых они достигнуты, делают его «народным помазанником»¹³.

¹³ *Corriere della sera*.
16.10.1994.

После поражения в парламенте Берлускони со своей партией не исчез с политической сцены. Более того, на выборах 1996 г. ВИ уступила Левым демократам совсем немного, а весной 1999 г. на выборах Европарламента даже заметно опередила их. Причем лично Берлускони – опять-таки с помощью телевидения – получил неслыханно много, свыше 3 млн голосов (хотя, как отмечали наблюдатели, так и не смог представить сколько-нибудь убедительной программы)¹⁴. Левоцентристское правительство в очередной раз попыталось законодательно ограничить политическую рекламу на ТВ. В ответ Берлускони припугнул миллионы домохозяек, что лишит их сериалов, и поднял над летними пляжами самолеты с гигантскими полотнищами, рекламирующими его партию¹⁵. Частью ограничений правительству пришлось поступиться.

¹⁴ *Ibid.* 29.04.1999.

¹⁵ *Stampa*.
16.08.1999.

Таким образом, хотя тенденция к вытеснению политики «виртуальной политикой» проступает все отчетливей, сам по себе спор «партия или ТВ?» (т.е. партия как специфическая политическая организация, объединение живых и активных людей, сплотившихся на определенной программной основе, или как «партия-предприятие», некий интерфейс между «влиятельным лицом» и безликим тупова-

¹⁶ В своих расчетах Бертускони исходил из того, что не более 20% электората черпает информацию из газет в дополнение к той, что получает от телевизора, причем лишь 1% читателей газет вникает в содержательную сторону предвыборной борьбы. Давая установку персоналу, обслуживавшему его избирательную кампанию, он специально подчеркивал, что в обращении к избирателю не должно быть ничего такого, чего не смог бы понять «12-летний не слишком сообразительный подросток» (Corrias P., Gramellini M., Maltese C. Op. cit.; *Giornale*. 01.04.1994).

¹⁷ См., например: Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // *Полис*. 1997. № 5.

Чем жива традиция?

¹⁸ См., в частности: Холодковский К.Г. Политические партии России // *Гражданское общество в России. Структуры и сознание*. М., 1998: Он же. *О корнях идейно-политической дифференциации российского общества // Человек в переходном обществе*. М., 1998.

тым электоратом¹⁶) далек от завершения. Но даже и в такой, национальной и временной, ограниченности итальянский опыт представляется весьма поучительным. События на политико-информационном поприще, свидетелями и объектом которых стали в конце прошлого года российские избиратели, свидетельствуют о том, что в наших условиях подобное противоборство рискует оказаться даже более судьбоносным, чем в Италии.

Правда, проецирование западного опыта на Россию отвергается многими авторами из-за «деформирующего» влияния традиционализма на ход институциональных преобразований в нашей стране. Особенно часто подчеркивается, что такое влияние в особенности оказывают совершенно иные, чем на Западе, и по-иному, чем там, укорененные, отношения индивид – государство, человек – власть, общество – вождь¹⁷. Партии в России, по этой версии, вряд ли смогут когда-либо получить такие же роль и развитие, как за рубежом.

Подобный взгляд переводит весь разговор об институционализации политического плюрализма в России в другую плоскость – взаимодействия/конфликта модернизации и традиций. И под таким углом зрения противопоставление организационной модели КПРФ устройству большинства других партий обнажает еще один, возможно, самый важный срез российской проблематики.

Приверженность КПРФ организационной схеме ВКП(б)-КПСС естественно попытаться объяснить инерцией, которая, в свою очередь, определяется социодемографическими характеристиками этой партии. Практически во всех работах на данную тему в качестве отличительных черт партии Зюганова отмечаются: почтенный возраст ее членов и сторонников, их относительно низкий образовательный уровень, расселение по преимуществу в средних и маленьких городах и сельской местности¹⁸. Таким образом, перед нами ряд признаков, рисующих перспективу недалекого угасания КПРФ просто по физиологическим причинам.

Однако такого угасания пока не происходит. Напротив, выйдя из выборов 1999 г. партией относительного парламентского большинства, КПРФ, похоже, демонстрирует вполне очевидную устойчивость, что, естественно, требует объяснения.

Понятно, что ход преобразований влечет за собой рост массы недовольных (причем не обязательно из числа объективно пострадавших). Можно предположить, что устойчивость рейтинга Зюганова поддерживается такими событиями, как, например, дефолт 17 августа 1998 г. Обвал рубля, более чем вдвое снизивший и без того издевательски малую покупательную способность пенсий, можно рассматривать как политический подарок лидерам КПРФ. Однако это не более, чем допущения. Ведь не обязательно же протестный потенциал должен вбираться именно компартией, раз существуют и другие субъекты политики, готовые его использовать.

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

Связь социального недовольства с партийной моделью КПРФ следует, по-видимому, рассмотреть в несколько ином ракурсе, в свете особенностей отечественной политической традиции. Речь идет о давнем, закреплённом длительным историческим опытом отклонении от линии развития политической партии как одного из институтов, ознаменовавших переход к Современности. Вспомним, что уже в самом процессе возникновения ленинской «партии нового типа» участвовали элементы, глубоко чуждые модернизационной перспективе, в частности, элементы «азиатчины», содержащиеся в народничестве. На это обстоятельство еще в 1969 г. обратил внимание М.Я.Гефтер (жестоко поплатившийся тогда за свою смелость)¹⁹.

Можно вспомнить и о том, что усилия эмиссаров Коминтерна по осуществлению императивного лозунга «большевизации» компартий в середине 20-х годов не приносили ожидаемых результатов не только из-за «отсталости» или «оппортунизма» зарубежных партийных руководителей, а еще и потому, что наталкивались на глухое и порой неосознанное сопротивление цивилизационного свойства. Например, попытка привить тамошним товарищам первичную парторганизацию под названием «ячейка» отторгалась уже потому, что на большинстве европейских языков это название имело оттенок чего-то тайно-заговорщицкого, подпольно-угрожающего, т.е., по сути, чего-то противоположного политической партии как порожденному прогрессом институту цивилизованного, демократического отстаивания прав и интересов трудящихся масс²⁰.

В. Ленин выстраивал свою модель партийной организации в принципиально иных национально-государственных условиях, чем те, в которых исторически возник феномен политической партии. Это различие условий было отчетливо сформулировано уже в знаменитом послании Исполнительного комитета «Народной воли» американским анархистам, убившим в 1881 г. президента Гарфилда. Из глубочайшего подполья и глухой изоляции, наступившей после казни первомайцев и разгрома их организации, российские революционеры, которых возглавил тогда Г.Лопатин, писали братьям в США, что обращение к методам вооруженного насилия недопустимо в обществе, где имеются демократические каналы выражения народного протеста²¹.

РСДРП–РКП(б) была смоделирована как орудие взлома, силового свержения власти. Миллионам советских людей десятилетиями «вдалбливали» в голову, что самая главная задача пролетарской партии – подготовка вооруженного восстания. Не смущало даже радикальное расхождение с К.Марксом и Ф.Энгельсом, которые после Парижской коммуны и образования первых социал-демократических партий стали существенно иначе смотреть на соотношение забастовочных и политических, парламентских и внепарламентских, вооруженных и мирных форм классовой борьбы (вспомним их предостережения против попыток повести массы туда, «где стреляет ружье и рубит сабля», вместо использования уже появившихся партийно-политических инструментов воздействия²²).

¹⁹ Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969.

²⁰ Storia del marxismo. Torino, 1980. Vol. III. P. 476–477.

²¹ Литература «Народной воли». М., 1930. С. 127.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 16. Ч. II. С. 481. См. также: Т. 29. С. 261; Т. 27. С. 36; Т. 28. С. 317.

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

«Партия нового типа» (она же «партия профессиональных революционеров», «орден меченосцев» и т.д.), уже содержащая в себе эмбрион диктатуры, оформленный принципом «демократического централизма», была, следовательно, ответом на принципиально иную, чем в Европе, историческую ситуацию. Корни традиции, таким образом, вполне очевидны. Как и то, что традиция живет не в безвоздушном пространстве, она воспроизводится, когда на нее есть «спрос», когда ее *raisonnes d'être* получают каждодневное подкрепление в повседневной жизни.

Значение ленинской концепции партии по-настоящему раскрывается лишь в парадигме Давида и Голиафа: в поединке с заведомо более сильным противником слабый ищет и находит неординарные, «вненормативные» средства борьбы. Причем обращение к таким средствам, если отвлечься от частностей, становится необходимостью всякий раз, когда комбинация условий не оставляет слабому иных шансов на победу. Нужно ли напоминать, к примеру, что огромная популярность Вьетнама в среде леворадикальной западной интеллигенции и особенно студенчества в 60-е годы объяснялась, конечно, не столько малопонятными лозунгами «антиимпериалистической борьбы», сколько именно наглядной демонстрацией того, как маленький и слабый наносит поражение самой могущественной державе мира?

Таким образом, если цепкая приверженность КПРФ ленинской организационной модели отражает обращенный в прошлое, пережиточный менталитет ее руководства, то сохранение ею массовой опоры свидетельствует о востребованности именно такого, а не иного «инструментария» политического действия. Другими словами, документально зафиксированная результатами выборов в декабре 1999 г. в Государственную Думу степень устойчивости КПРФ сигнализирует о том, что наше общество живет как бы сразу в двух временных пластах, двух эпохах – досовременной и постиндустриальной.

Вообще поиск прибежища в прошлом – довольно характерная реакция на радикальные перемены, ломку привычного, устоявшегося жизнеустройства. В нынешней российской ситуации обращают на себя внимание как масштабы явления, так и его динамика. Архаика не просто оживляется, она активно регенерируется самими процессами модернизации, точнее, теми уродливыми формами, в которых они протекают и которые, увы, слишком напоминают предшествующий социально-политический опыт, чтобы казаться случайными. «Роковая слабость всех российских реформ, – пишет по поводу этого прошлого А.С.Панарин, – заключается в том, что они выступают в виде односторонней эмансипации “верхов” за счет усиленного закабаления “низов”. Начиная с петровского периода эмансипация выступает в форме “вестернизации” и несет на себе печать соответствующего парадокса: вестернизация правящих классов совпадает с “истернизацией” низов, все более приравнивающихся к бесправным холопам восточных деспотий»²³.

²³ Панарин А.С. *Реванши истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998. С. 58.*

Именно такой, пусть даже нарочито заостренный, рисунок модернизационных процессов в России, по-видимому, и дает ключ к пониманию по крайней мере одной из причин электоральной устойчивости зюгановской партии. Протестный потенциал и организационное устройство КПРФ «счастливы находят» друг друга даже независимо от того, собирается ли ее руководство осуществлять свои угрозы или намерено и дальше извлекать выгоды из своего «внутрисистемного» существования. Трудно сказать, насколько велика здесь роль традиции. Скорее всего миллионы людей, бессильных изменить к лучшему свое положение, пытаются компенсировать эту слабость, передоверяя собственное право принятия решений жестко выстроенной пирамидальной организации, структурированной по подобию церкви – от местных приходов до высшей иерархии.

Во всем этом, однако, лишь часть объяснения успеха КПРФ на парламентских выборах 1999 г.

Симбиоз архаики и «телекратии»

Эта статья была написана до выборов в Думу и дождалась в редакции оглашения их результатов с тем, чтобы выяснить, не опровергают ли они предложенный анализ. Переделывать по сути ничего не пришлось. Действительность предъявила картину настолько разительного различия в моделях конкурирующих политических партий, в самих базовых принципах устройства этого института, что простое описание такого разрыва между ними выглядит преувеличением, все равно как если бы счет пришлось вести не на исторические эпохи, а на геологические эры.

В самом деле, вторым победителем на выборах стало движение «Единство» («Медведь»), которое появилось на российской политической сцене словно из научно-фантастического будущего, в виде чисто виртуальной структуры – без массовой базы, традиций, опыта, организационных принципов и – что вовсе беспрецедентно для субъекта политического процесса – без программы (если не считать таковой провозглашенное стремление быть «партией власти»). Избирателям был предложен образ, тот самый «нимидж», который в наши дни изготавливается, подобно любому товару, специально обученным персоналом. Ссылки же на «административный ресурс», которым «Медведь» обладал в большей мере, чем его соперники, если вдуматься, лишь подтверждают его «виртуальность».

Таким образом, если до недавнего времени предельным достижением в развитии новейших тенденций «партстроительства» была партия Берлускони, то ныне этот результат перекрыт, и намного. Все то, что предшествует выходу на политическую арену нового игрока, ему приходится приобретать уже после того, как он одержал победу. И уж вовсе с трудом укладывается в голове парадокс партии, которая, завоевав второе место в парламенте, «по своему интеллектуальному и организационному потенциалу... является сегодня, безусловно, самой слабой фракцией в Государственной Думе» (как констатировала

²⁴ Независимая газета. 06.01.2000.

вскоре после выборов газета, которую нельзя заподозрить в критическом отношении к «Единству»²⁴).

Если учесть, что и блок «Отечество – Вся Россия» немногим отличался от «Медведя» с точки зрения набора средств и способов массового привлечения сторонников (подчеркнем, что в статье речь идет о сопоставлении партий лишь по этому критерию: как институтов, а не идеологий или политических программ), то нетрудно увидеть, что победившая пара – КПРФ и «Единство» – в совокупности образуют довольно типичную картину модернизационной коллизии. Страны вторичной, или догоняющей, модернизации, которым по тем или иным причинам приходится внедрять у себя нормы отношений, процедуры, высокоэффективные в других национально-исторических контекстах, сплошь и рядом попадают в положение «разъезжающихся ног», соприсутствия архаики и современности, пережиточных зон и «островов будущего»²⁵. Еще в конце XIX в. Энгельс писал о стране, страдающей как от развития капитализма, так и от его недостаточного развития²⁶. Относившаяся к Италии, эта фраза чаще всего адресовалась России. По-видимому, она и сегодня многое могла бы объяснить.

Сколь бы внутренне конфликтными ни были модернизационные коллизии, развитие, движение, институциональная инновация в принципе способны помочь их разрешению. В России применительно к рассматриваемой теме это могли бы быть, например, такие акты, как принятие, наконец, Закона о политических партиях, совершенствование законодательства о СМИ и выработка соответствующих кодексов профессиональной этики, дальнейшее улучшение электорального законодательства и многие подобные меры. «Взросление» российской многопартийности, наверное, шло бы успешнее, если бы практически осуществились законодательные принципы местного самоуправления и те планы выстраивания «власти снизу», за которые выступал А.Солженицын.

Вряд ли возможно искусственно приблизить российскую партийно-политическую структуру к «коромысловой модели», в которой партии (блоки, коалиции) социал-реформистской ориентации (социал-демократические, лейбористские, социал-либеральные и т.д.) время от времени сменяют у власти партии либерально-консервативного толка. Но облегчить движение в этом направлении могли бы меры по развитию массового, диффузного предпринимательства, поощрению «третьего сектора» экономики, высвобождению потенций гражданского общества, вообще все, что способствует естественному агрегированию социальных интересов. Здесь нет ничего предрешенного и «автоматического», но все это, стоит повторить, реально и возможно в условиях продолжающегося, по возможности нестесненного развития, поступательного движения. Напротив, именно замедление, а то и прекращение движения разводит еще дальше полюса партийно-политического спектра, закрепляя их разрыв в соответствующих институциональных укладах. К сожалению, как раз такого рода тенден-

²⁵ О драматизме «догоняющей модернизации» см., в частности: Пантин И.К. Россия: окончание исторического цикла // *Pro et Contra*. 1999. Лето. Т. 4; Он же. Проблема самоопределения России: историческое изменение // *Вопросы философии*. 1999. № 10.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. С. 9.

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

ция, похоже, набирает силу в российской политике на ее нынешнем этапе. Тенденция, которая приобретает черты одной из главных угроз самому становлению российской демократии и выражается в том, что сохраняющаяся противоположность институциональных моделей превращается в их симбиоз, взаимовыгодное сожительство.

В самом деле, наблюдается уже не просто воспроизводство, но чуть ли не буквальное повторение электорального противоборства с участием двух описанных институциональных укладов. Ведь и НДР, «партия власти» образца 1995 г., противостояла КПрФ в основном как «виртуальная», строившаяся от «экрана» к людям, а не наоборот. По такой же схеме проходила президентская кампания 1996 г. Ситуация 1999–2000 гг. побуждает думать о штампе, стандарте. Повторяемость приема, каковы бы ни были скрытые за ним мотивы (а они в данном случае очевидны), – это и есть остановка движения, которая имеет пагубные последствия для модернизации института политической партии.

С одной стороны, КПрФ, помещенная в своего рода комфортабельное гетто, позволяющее ей до остатка вычерпывать резервуары потенциальной электоральной поддержки, консервируется в собственных иерархических структурах, уставных нормах, организационных отношениях. Тем самым блокируется даже гипотетическая возможность ее эволюции в сторону современной оппозиционной партии леводемократического типа, которая, сменяя у власти силы праволиберальной ориентации, обеспечивала бы динамизм и равновесие системы в целом.

С другой стороны, мобилизация электората в поддержку фантомной «партии власти» (где фантом не власть, а политическая партия) подрывает позиции самого «политического класса». Очередной тур выборов в России свидетельствует о том, что консолидация элит с помощью приемов виртуальной политики, в сущности, приводит лишь к несменяемости власти, а это, как показывает опыт таких стран, как Италия, Япония, Индия, Мексика, никогда не кончается безболезненно.

И партия «ленинского» типа, и партия «берлускониевского» типа ведут дело не к расширению вовлеченности, а к выключению масс из политики, в конечном счете – к перерождению самой политики. Стимулирующий пессимизм этого вывода, как представляется, особенно актуален на нынешнем, очередном «разгонном», этапе российской истории*.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект № 97-03-04244.